

Н. А. БАЗИЛИ

<В чем идейное наследство В. И. Ленина>¹

<Фрагмент>

<...> Если поставить вопрос, во имя какой цели и ради осуществления какой программы большевики стремились захватить власть в России, а затем правили ею, то окажется, что начиная с 1903 года — времени возникновения большевистской партии и кончая сегодняшним днем сами большевики дали по этому поводу несколько абсолютно противоположных и исключаящих друг друга ответов.

1905 год. Ленин отрицает возможность произвести в России социалистический переворот. — «Мы устраняем, — писал Ленин в 1905 году, — нелепые, полуанархические мысли о немедленном осуществлении программы-максимум, о завоевании власти для социалистического переворота. Степень экономического развития России (условие объективное) и степень организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса. Только самые невежественные люди могут игнорировать буржуазный характер происходящего демократического переворота. Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам»*.

Подобные суждения Ленин высказывал не раз до 1915 года. Только война сбила Ленина с этой позиции, свойственной вообще всем русским марксистам. Не прошло и года после начала войны, как социальная революция, — правда, пока еще не в России, но, во всяком случае, в Западной Европе, — стала представляться Ленину близкой и неизбежной.

* Ленин. «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Собр. сочинений, т. VIII, стр. 40–41.

1915 год. «Империалистическая война — канун мировой революции». — В 1915 году он пишет брошюру под заглавием — «Империализм как новейший этап капитализма». Война, заявляет он, есть «канун мировой социалистической революции». По его мнению, социализм, подготовленный всем объективным развитием капитализма и главным образом последней его империалистической стадией, явится неизбежным последствием начавшейся войны. «Буто́н набух, завтра он превратится в цветок»*.

Незадолго до ноябрьского переворота, в сентябре 1917 года, Ленин повторяет те же мысли. «Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет. Социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма»**.

* «Всемирный капитализм, — говорит в той же брошюре Ленин, — дошел в настоящее время, приблизительно с начала XX века, — до ступени империализма. Империализм или эпоха финансового капитала есть столь высоко развитое капиталистическое хозяйство, когда монополистические союзы капиталистов — синдикаты, картели, тресты — получили решающее значение. Банковский капитал громадной концентрации слился с промышленным. Вывоз капитала в чужие страны развился в очень больших размерах. Весь мир поделен уже территориально между богатейшими странами, и начался раздел мира экономический между интернациональными трестами. Империалистические войны, т. е. войны из-за господства над миром, из-за рынков для банкового капитала, из-за удушения малых и слабых народностей, неизбежны при таком положении дела. Именно такова первая великая империалистическая война 1914 года. И чрезвычайно высокая ступень развития мирового капитализма, и смена свободной конкуренции монополистическим капитализмом, и подготовка банками, а также союзами капиталистов аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов, и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, гигантское затруднение его экономической и политической борьбы, и ужасы, бедствия, разорение, одичание, порождаемое империалистической войной, — все это делает из достигнутой ныне ступени развития капитализма эру пролетарской социалистической революции. Эта эра началась».

** Глубочайшая вера, что социализм уже смотрит на нас и неминуемо в ближайшие дни вытечет из войны, продиктовала Ленину и соответствующую тактику. Нужно, взывал он, бросать не «дурацкий лозунг разоружения, а с оружием свергать капиталистические правительства, превращать войну империалистическую в войну гражданскую за немедленное установление

Апрель 1917 г. Колебания Ленина в вопросе о характере русской революции. — Но все эти рассуждения относятся к государствам Западной Европы. Относительно России Ленин еще не может отрешиться от своей прежней концепции, когда он отвергал «нелепые полуанархические мысли о немедленном осуществлении программы-максимум, о завоевании власти для социалистического переворота» и утверждал, что «никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически». Но уже 24 апреля 1917 г. на конференции большевиков², вскоре после приезда Ленина в Петербург, у него обнаруживаются как бы две друг с другом спорящие души.

Одна, одержимая еще классическим марксизмом, предостерегает: «Большинство населения в России, — говорит он в своей речи на этой конференции, — крестьяне, мелкие хозяева, которые о социализме не могут и думать... Нельзя быть уверенным, что крестьяне пойдут непременно дальше буржуазии. Мы хотим, чтобы крестьянство пошло дальше буржуазии, чтобы оно взяло землю у помещиков, но сейчас еще о его будущем поведении ничего сказать определенно нельзя. Непозволительно пролетарской партии возлагать теперь надежды на общность интересов с крестьянством. Оно стоит, до известной степени сознательно, на стороне капиталистов».

В то же время другая душа, жаждущая социализма, подсказывает Ленину иные мысли. В той же речи он говорил: «Мы создали формы, которые не походят на формы буржуазных государств. Советы рабочих и солдатских депутатов такая форма государства, которой ни в одном государстве нет и не было. Это такая форма, которая представляет первые шаги к социализму и неизбежна в начале социалистического общества. Ни в одной буржуазной стране мира таких государственных учреждений нет и быть не может. Ни одна социалистическая революция не может оперировать ни с какой властью, кроме этой».

Однако критическая душа старого марксиста приводит его еще к осторожным выводам: «Советы должны взять власть не для создания обычной республики, но и не для непосредственного перехода к социализму. Этого быть не может. Тогда для чего же? Они должны взять власть для того, чтобы сделать первые конкретные шаги к этому переходу, которые можно и должно сделать. Страх есть главный враг в этом отношении»*.

социалистического строя, созревшего экономически, полностью подготовленного государственно-монополистическим капитализмом».

* Собрание сочинений Ленина, 1921 г., т. XIV, стр. 422.

Вера Ленина в социалистический характер русской революции созрела. — В вихре революционной бури Ленин вскоре, однако, решительно порвал со всем тем, что он проповедовал раньше. Революция грохочет. Стихия зовет. Ленину уже начинает казаться, что и в России, как и на Западе, социализм уже смотрит из всех окон капитализма.

«В России, как и на Западе, — говорит Ленин, — капитализм тоже стал монополистическим; об этом “Продуголь” (синдикат углепромышленников), “Продамет” (синдикат по продаже металлов), сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно. Тот же сахарный синдикат показывает нам воочию перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм»*.

Когда Ленин говорил о практике монополистического капитализма, — перед ним, гипнотизируя его, стояли опыты регулирования производства и потребления, которые во время войны применяли все воюющие государства и прежде всего Германия. Эти военные опыты с контролем над производством, регулированием потребления, всеобщей трудовой повинностью и т. д. Ленин, в религиозном ожидании прихода социализма, принял за образовавшуюся уже в капиталистическом обществе структуру социалистического хозяйства. Социализм осажденной крепости, где, чтобы продержаться против врагов, осажденные поневоле делят между собой поровну остатки издохшей от голода лошади, — в глазах Ленина предстал как социализм, «смотрящий из всех окон капитализма»**.

Став на эту точку зрения, Ленин, уже не сталкиваясь со своими прежними убеждениями, что Россия ни объективно, ни субъективно не готова к социализму, мог уже «на всех парах двинуться к социализму». В первой встрече со своими единомышленниками в России (17 апреля 1917 г.) Ленин заявил, что большевики должны «сбросить с себя старое белье, — название социал-демократов, — и вместо прогнившей социал-демократии создать новую социалистическую организацию коммунистов». Даже большевистская «Правда» отказывалась первое время идти за Лениным.

* Из брошюры «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

** «Попробуйте-ка подставить, — говорил Ленин, — вместо юнкерски-капиталистического, вместо помещичьи-капиталистического государства, государство революционно-демократическое, не боящееся революционно осуществить самый подлинный демократизм», — это значит стать на путь государственных монополий и — «вы увидите, что государственно-монополистический капитализм неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму» (Из брошюры Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»).

В передовой статье от 21 апреля 1917 года она заявляла: призыв Ленина «представляется нам неприемлемым, поскольку он исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитан на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую». Ленина, однако, ни в какой мере не смутили возражения, которые он встретил в рядах своей собственной партии. Старые утверждения Плеханова и всех других марксистов, что «мы не созрели для социализма», осенью 1917 г. стали уже в его глазах просто реакционными*.

«Социализм, — пишет в сентябре 1917 года Ленин, — есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией. Тут середины нет. Объективный ход развития таков, что от монополий (а война удесятирила их число, роль и значение) вперед идти нельзя, не идя к социализму. Либо быть революционером демократом на деле. Тогда нельзя бояться шагов к социализму. Либо бояться шагов к социализму, осуждая их по Пешехоновски, по Черновски, по Дановски** доводами, что наша революция буржуазная, что нельзя вводить социализма, и тогда неминуемо скатиться к Керенскому, Милюкову и Корнилову, т. е. реакционно-бюрократически подавлять революционно-демократические стремления рабочих и крестьянских масс. Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, тем самым необычайно приблизила человечество к социализму. В силу ряда исторических причин — большой отсталости России, особенных трудностей вой-

* В брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», составленной им в середине сентября 1917 года, Ленин писал: «Это ходячее возражение, обычное в прессе буржуазной, эсеровской и меньшевистской, есть реакционная защита отсталого капитализма. Дескать, мы не созрели для социализма, рано “вводить” социализм, наша революция буржуазная — поэтому надо быть в холопах у буржуазии. Услужаящие буржуазии горе-марксисты, к которым перешли и эс-эры и которые рассуждают так, не понимают, что такое империалистическая монополия. Если крупнейшее капиталистическое предприятие становится монополией, оно обслуживает весь народ. Если оно стало государственной монополией, значит, государство направляет предприятие либо в интересах помещиков и капиталистов — и тогда мы получаем реакционно-бюрократическое государство, империалистическую республику, либо в интересах революционной демократии — тогда это и есть шаг к социализму».

** Пешехонов — лидер народных социалистов, Дан — лидер меньшевиков, Чернов — лидер социалистов-революционеров.

ны для нее, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традиций 1905 года, — в России раньше других стран вспыхнула революция. Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны. Но этого мало. Либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически. Погибнуть, или на всех парах устремиться вперед»*.

«Социалистические» мероприятия Ленина. — Ноябрьская победа дала Ленину возможность попытаться применить свою новую теорию к жизни. За период с ноября 1917 г. и кончая 1920 г. он провел решительно все меры, почитавшиеся им необходимыми для перехода страны к социализму. За национализацией банков последовала национализация промышленности, домов, введение всеобщей трудовой повинности, жесточайшее проведение хлебной и других монополий, уничтожение частной торговли, распределение всех продуктов по карточкам, «учет и контроль» во всех областях. Мероприятия эти в громадной доле были вдохновлены опытом военного регулирования производства и потребления в Германии. Ибо «наша задача, — настаивал Ленин, — учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не боясь диктаторских приемов».

Социалистические иллюзии 1918–1919 годов. — Так как диктаторскими приемами было проведено в жизнь абсолютно все, что требуется социалистической доктриной, то люди, делавшие революцию, охваченные опьянением борьбы, потерявшие, как всегда бывает во всех революциях, чувство конкретного осязания и понимания действительности, начали считать, что, несмотря на голод и разорение страны, социализм действительно спускается с небес идеала в самую гущу жизни. Социализм не «будет», а во всех своих элементах уже «есть». В гармонии с такой верой слова «Интернационала» «это будет последний и решительный бой» — с конца 1918 г. заменяются уверенными и торжествующими: «Это есть наш последний и решительный бой».

В полной власти тех же иллюзий находился в то время и Ленин. «Наша революция, — пишет он столичным рабочим, — подошла вплотную, конкретно, практически к задачам осуществления социализма»**. «Мы сейчас боремся за основу коммунистического

* Ленин. «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», Собр. сочинений, 1921 г., т. XIV, стр. 213.

** «Правда», 24 мая 1918 г.

распределения», — говорит он 4 июня 1918 г. по поводу продовольственных декретов.

По поводу образования в деревнях комитетов бедноты, имевших задачей сокрушить «кулаков»* — последний оплот буржуазного строя, — Ленин заявил на VI чрезвычайном съезде советов, что это мероприятие окончательно устанавливает социализм в деревне: «Мы сделали этим гигантский всемирно-исторический шаг, который не сделан еще ни в одном из самых демократических, республиканских государств. Деревенская беднота, сплачиваясь со своими вождями, с городскими рабочими, дает только теперь окончательный и прочный фундамент действительного социалистического строительства. Это величайший переворот, который в такое короткое время привел нас к социализму в деревне»**.

Конец социалистических иллюзий Ленина. — Итак, социализм есть уже в городе, социализм есть уже в деревне... Долго ли могли держаться эти иллюзии? — Конечно, нет. К концу 1920 года на территории Советской страны не остается ни одного отряда иностранных войск. 14 ноября Белая армия Врангеля эвакуировалась из Крыма за границу. Теперь большевики могли стряхнуть с себя опьянение и из мира нереального, из мира воздушных замков возвратиться к действительности. Что же увидел Ленин? Он увидел, что его упражнения с монополистическим капитализмом, превращающимся непосредственно в социализм, потерпели крушение, что никакого социализма в стране нет, а есть только «военный коммунизм», коммунизм осажденной, голодной, обнищавшей страны, ведшей сначала внешнюю, а потом тяжкую внутреннюю гражданскую войну. Такой «коммунизм» во время войны применяли все страны Запада и немедленно с проклятием его отбросили, как только война кончилась. А между тем, по Ленину, из практики военного регулирования жизни должен был непосредственно сложиться социализм. Ленин был слишком умный человек, чтобы не видеть своей ошибки, рожденной иллюзией и вспыхнувшей в нем верой в немедленный приход социализма. И он находит смелость заявить: «Своеобразный “военный коммунизм” состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда

* Кулаками назывались в дореволюционной России богатые крестьянские ростовщики, дававшие, при слабом развитии кредита в деревне, своим односельчанам денежные ссуды под огромные проценты, причем взыскание обычно производилось натурой или работой. Большевики применили ненавистное имя кулака сначала к богатым крестьянам, прибегавшим к наемному труду, а затем просто ко всем зажиточным крестьянам.

** «Правда», 18 декабря 1918 г.

не излишки, а часть необходимого для крестьян продовольствия. Брели для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брели большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов мы не могли. “Военный коммунизм был вынужден войной и разорением”. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой>*. Выстроенное здание «военного коммунизма», в котором фасад был грубо размалеван радужными красками социализма, таким образом, разрушилось.

Итоги эпохи «военного коммунизма». — Что же оставалось в результате гигантского переворота, шедшего под лозунгом «на всех парах к социализму»? Во-первых, национализированная индустрия, до последней крайности разоренная и полумертвая. Во-вторых, земельный переворот, захват крестьянами помещичьих земель. В 1918 году Ленину представлялось, что ему удалось осуществить социализм в деревне. В 1921 году он уже предпочитал называть вещи их собственными именами. В результате переворота в деревне, — говорил он, — установился не социализм, а мелкое частновладельческое хозяйство, которое в условиях «уравнительной дележки» должно выдвинуть на первый план крестьянина-середняка. «Деревня стала более середняцкая, меньше стало крайностей в сторону кулачества, меньше в сторону нищеты»**.

Крушение веры Ленина в социалистический характер революции. — Освободившись от множества иллюзий, Ленин начинает теперь весьма критически относиться к тем, кто еще от них не освободился. Он насмешливо говорит о «странных плакатах», без всякого изменения висящих в Москве «три с половиной года спустя ноябрьского переворота». Слова «Интернационала» — «это есть наш последний и решительный бой», столь уместные в годы, когда, казалось, социализм «смотрел из всех окон» страны, вызывают у него едкие замечания.

Для Ленина уже совершенно ясно, что страна очень далека от непосредственного «перехода к социализму». Старые, пережившие себя словесные штампы и лозунги первых годов революции, им же самим созданные, вызывают у него в 1921 г. нечто близкое к раздражению***.

* Ленин. «О продовольственном налоге», апрель 1921 г.

** Речь Ленина 9 апреля 1921 года.

*** «У нас, — писал Ленин в брошюре “О продовольственном налоге”, — о многих важных вещах “совсем не говорят, совсем не думают, совсем их не за-

«Посмотрите на карту Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, — пишет Ленин. — К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска — идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальная полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России! Везде десятки верст проселка — вернее, десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, т. е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость? Мыслимо ли существование непосредственного перехода от этого преобладающего в России состояния к социализму?»*.

Так, пережив бурный период иллюзий, Ленин в 1921 г. ставит «тьму низких истин» выше «нас возвышающего обмана».

мечают”. Происходит это не потому, что мы сильны и умны, а потому, что мы слабы и глупы. Мы боимся посмотреть прямо в лицо “низкой истине” и слишком часто отдаем себя во власть “нас возвышающему обману”. Мы постоянно сбиваемся на то, что “мы” переходим от капитализма к социализму, забывая точно отчетливо представить себе, кто это “мы”. “Мы”, авангард, передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всей массы населения”. И чтобы “мы” могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода к социализму. В этом весь гвоздь».

- * Соч. Ленина, том XXVI, стр. 338. «Я знаю, — говорил он на X съезде партии, в 1921 г., — что это вызовет насмешки. Вот так коммунизм вышел. Вроде того, как человек, у которого внизу костыли, а вместо лица сплошная перевязка, и от коммунизма остается загадочная картинка. Этого рода шуточки не серьезные. Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти. Семь лет колотили ее, и тут дай Бог с костылями двигаться. Тут думать, что мы можем вылезти без костылей — значит ничего не понимать. У нас в нашей отсталой стране, после семилетней войны, состояние изнеможения у рабочих и у массы крестьянства. Это изнеможение близкое к полной невозможности работать. Тут нужна экономическая передышка. Пока революции нет в других странах, мы должны будем вылезать десятилетиями, и тут не жалко сотнями миллионов, а то и миллиардами поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма. Мы потом с лихвой себе вернем. Удержать же пролетарскую власть в стране, неслыханно разоренной, с гигантским преобладанием крестьянства, также разоренного, без помощи капитала, за которую, конечно, он сдерет сотенные проценты, нельзя. Это надо понять, и поэтому — либо этот тип экономических отношений, либо ничего» (Ленин. Собр. сочинений. Том XXVI, стр. 245).

Отступление Ленина перед капитализмом. — В ноябре 1918 г. на собрании партийных работников Москвы он заявил: «Мы никогда не поступимся нашими принципами». «Был бы смешон и жалок большевик, который предложил бы буржуазии какое-нибудь соглашение».

В апреле 1921 г. он открыто обращается к мировому капитализму с предложением соглашений и концессий³. Голос Ленина зафиксирован речами на трех грамофонных пластинках, и одна из речей начинается такими сакраментальными словами: «Советская власть приглашает заграничных капиталистов, желающих получить концессии в России».

Ленин в это время мечтал о самом тесном соглашении, как он говорил, даже о блоке Советского правительства с иностранным капитализмом. Он хотел такого «типа экономических отношений, который сверху имеет вид блока с иностранным капитализмом» и «дает возможность для пролетарской государственной власти свободного оборота с крестьянством внизу»*.

Новая экономическая политика (НЭП). — Так, этот грозный обличитель всех «социал-соглашателей» и соглашений с буржуазией превратился в проповедника «блока» с передовым капитализмом. Приглашая к себе крупных иностранных капиталистов (они, впрочем, не пошли), Ленин в то же время дал волю и мелкому отечественному капитализму. Он уничтожил всякие монополии, открыл рынки, базары, дал полную свободу торговли вообще и крестьянской в частности. Последние годы своей жизни этот проповедник монополии и всеобщего государственного регулирования всех сторон жизни превратился в пропагандиста свободы оборота, частной инициативы**.

Он критиковал политику прежних лет и все иллюзии революции с беспощадным реализмом: «Мы, — говорил он, — слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно. В этом отношении нами было сделано много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением здесь не ви-

* Ленин. Собр. сочин. Т. XXIII, стр. 324.

** «Все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало. Кто достигнет в этой области наибольших результатов хотя бы путем частно-хозяйственного капитализма, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет “думать” о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, но практически оборота не двигать» (из речи Ленина на X съезде коммунистической партии в 1921 году).

деть и не понимать того, что мы меры не соблюдали, не знали, как ее соблюсти. Мы часто сбиваемся на рассуждение — «капитализм есть зло, социализм есть благо». Да, капитализм есть зло по отношению к социализму, но благо по отношению к средневековью. Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен. Пытаться запретить совершенно всякое развитие частного, не государственного обмена, т. е. торговли, т. е. капитализма, такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна, самоубийством, ибо партии, пробующие подобную политику, терпят неминуемый крах. Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал возрастут. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние крайнего голода, нужды, недостатка продуктов. Мы должны считаться в первую очередь с середняком. Раз деревня стала середняцкой, то нужно помочь середняку поднять хозяйство».

«Основное, чтобы был стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу в его хозяйствовании. Конечно, свобода торговли означает рост капитализма. Из этого никак вывернуться нельзя. И кто вздумает вывертываться и отмахиваться, тот только тешит себя словами. Свобода оборота есть свобода торговли, а свобода торговли значит — назад к капитализму. Можно ли до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма — для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корней политической власти пролетариата? Можно, ибо вопрос в мере»*.

Не трудно заметить, что Ленин в 1921 г. очутился именно в том положении, какое предсказывал Плеханов еще в 1883 г., говоря о трагическом положении социалистической партии, взявшей власть в свои руки при отсутствии объективных экономических предпосылок для реализации ее намерений. Плеханов предсказывал, что при такой ситуации, чтобы не дать стране погибнуть, придется возвратиться к экономическому неравенству, хотя устранение его и было целью социалистической власти. Ленин на деле полностью подтвердил этот прогноз и принужден был отступить, став на путь несомненного «развязывания» в стране капитализма. «В материальном, экономическом и производственном смысле мы еще в преддверии социализма не находимся», — вынужден был заявить Ленин в 1921 году**.

* См. речи Ленина на X съезде ком. партии и его брошюру «О продовольственном налоге».

** Из речи Ленина на X съезде коммунистической партии.

Ленину не пришлось долго руководить проведением этой «новой экономической политики» (НЭП). Заболев в 1921 году, он в следующем году окончательно уходит от управления государством. Разбитый параличом, он умирает 21 января 1924 года.

В чем идейное наследство Ленина? — Какое же идейное наследство, какую программу оставил Ленин своим преемникам?

Так как наследство это относится к 25 годам, к различным эпохам, моментам и настроениям, из него можно черпать самые различные и прямо противоположные выводы. Если опираться на последние мнения Ленина (конца 1920–1922 гг.), уже растоптавшего иллюзии, нужно прийти не только к правому коммунизму, а к чему-то значительно правее его. И осмелюсь при диктатуре заместителя Ленина — Сталина — кто-нибудь повторить слова и мысли Ленина 1921 года, он был бы немедленно объявлен контрреволюционером, сослан в концентрационный лагерь или расстрелян как белогвардеец-предатель. Наоборот, если вернуться к Ленину 1917–18 гг., с его «призывами» устремиться вперед, немедленно перейти к социализму «или погибнуть», не трудно будет найти, что от него к Сталину и к эпохе пятилетки — путь, с формальной стороны, совершенно прямой.

Вовсе не нужно быть идейным противником большевизма, чтобы видеть, что друг друга взаимно исключаящие программные ответы Ленина графически могут быть изображены не кривой линией, характеризующей эволюцию взглядов, от которой не застрахован никакой политический деятель, а зигзагообразной линией с резкими изломами, диктуемыми то вынужденными уступками перед действительностью, то, наоборот, страстными попытками ее переделать.

<...>

Диктатура в партии и диктатура в стране. — Так как волей исторических судеб коммунистическая партия оказалась поставленной во главе России, то естественно, что вождь этой партии, ее полновластный диктатор, оказался вместе с тем и диктатором всей России. Таким образом, брошенный в 1903 году Троцким упрек Ленину в «тактике осадного положения, закрепленного диктатурой», оказался не фразой, вырвавшейся в пылу политической полемики, а фактическим проникновением не только в будущее коммунистической партии, но и в будущее великой страны. С помощью того же Троцкого вождь коммунистической партии положил в России основание для страшнейшей из когда-либо существовавших диктатур.